

«И ОТ ТЕХ ПОДЪЯЧИХ СТАВИТЦА ИМ НАЛОГА ВЕЛИКАЯ...»: ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ВОРОНЕЖЦЕВ С АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРОИЗВОЛОМ

Д. В. Лисейцев

Институт российской истории Российской академии наук

Поступила в редакцию 25 ноября 2015 г.

Аннотация: в статье рассматривается борьба военного населения Воронежского уезда против произвола местной администрации в 1634–1635 гг., завершившаяся компромиссом между требованиями воронежцев и интересами столичных властей. Статья сопровождается публикацией архивных материалов.

Ключевые слова: XVII век, Воронеж, служилые люди, подьячие.

Abstract: the article deals with the struggle of the population of the Voronezh military district against the tyranny of the local administration in 1634–1635 years, which ended in a compromise between the requirements of Voronezh and the interests of the city authorities. The article is accompanied by the publication of archival materials.

Key words: XVII century, Voronezh, service people, clerks.

На протяжении всего существования Российского государства отношения между населением страны и ее административным аппаратом носили сложный и противоречивый характер. XVII в. в этом отношении имеет свою специфику. Негативное отношение многих людей к дьякам и подьячим, предшественникам современной российской бюрократии, не является секретом: их жадность, своеволие и неспешность в решении дел вошли в пословицы и отражены даже в литературных памятниках [1, с. 139–148]. Меткую характеристику этой конфронтации между населением и «чиновничеством» дал видный специалист по истории допетровской России академик М. Н. Тихомиров: «Государство дворянское... в значительной мере опиралось на... приказную компанию, которую, надо сказать, жгуче ненавидело население. От них шла возможность изменений в приказных документах, они производили различного рода волокиту... этих подьячих часто разоряли во время восстаний, иногда они и гибли. С XVIII в. они носили очень поэтическое название “крапивное семя”» [2, с. 356]. С иных позиций анализирует взаимоотношения населения с «приказными людьми» О. В. Новохатко: «Приказная система... изначально предполагала побочные источники дохода для приказных служащих – “кормление от дел”. Применительно к Разрядному приказу его подьячих “кормил” тот социальный слой, который обслуживал Разряд, то есть служилые люди по отечеству». При этом, как отмечает исследовательница, «содержание обществом профессио-

нальных управленцев государственного аппарата напрямую, а не путем перераспределения средств через налоги, устанавливало зависимость не только общества от чиновников, но и чиновников от общества» [3, с. 540].

Предлагаемые вниманию читателя и публикуемые в приложении к настоящей статье документы демонстрируют обе стороны взаимоотношений между «приказными людьми» и управляемым ими населением: и уровень зависимости провинциальных служилых людей от административного произвола подьячих, и зависимость самих подьячих от местного населения, не только «кормившего» их, но и добивавшегося отставки наиболее зарвавшихся представителей «чиновничества». Речь пойдет о коллективной челобитной воронежских служилых людей и результатах их жалобы на злоупотребления властью подьячих съезжей избы.

Осенью 1634 г. в Москве царю Михаилу Федоровичу была подана челобитная воронежских служилых людей (детей боярских, стрельцов и казаков), которые «всем городом» жаловались на двух подьячих воронежской съезжей избы. Челобитную доставили в столицу ранее середины октября 1634 г. (решение по ней царем вынесено 15 октября). Учитывая, что путь от Воронежа до Москвы занимал около двух недель, можно предположить, что жалобу на подьячих составили в августе–сентябре 1634 г. Не исключено, что доставили ее в Москву служилые люди, участвовавшие в боях с татарами под Воронежем летом 1634 г. (8 сентября они привезли в Разрядный приказ плен-

ных и через три дня получили жалование за проявленную доблесть) [4, л. 182].

Челобитчики обвинили чиновников в расхищении государственной казны («которые деньги собирают на полевой подъем и подможные деньги, и те подьячие емлют себе») и недолжном исполнении обязанностей: приговоры по различным делам, в том числе судебным, они писали «не против челобитных»; на различные службы (сотенную и сторожевую) они писали служилых людей «без яру, а не по списку». Последнее, надо полагать, делалось за взятки: те, кто не желал выезжать «в поле», могли откупаться. Впрочем, в челобитной собственно о взятках не сказано ни слова. Зато имели место натуральные поборы: при заготовке различных «запасов» подьячие «наметывали» и присваивали по четверику на каждую четь (четверик составлял 1/8 чети, т. е. воронежские чиновники вносили со служилого человека в свою пользу подать, чуть меньшую по размеру, чем нынешний подоходный налог в Российской Федерации, – 12,5%). Помимо перечисленного, по словам челобитчиков, подьячие присвоили собранные со всего уезда на строительство городского собора деньги (150 рублей). Воронежцы просили царя отставить неугодных им подьячих, от которых жителям города «ставитца налога великая».

Момент для подачи челобитной с жалобой на административный произвол подьячих съезжей избы был выбран воронежцами удачно. Всего три месяца прошло со времени завершения Смоленской войны (1632–1634 гг.), показавшей, в числе прочего, слабые стороны военной организации русского войска, равно как и ненадежность набранных в полки нового строя провинциальных детей боярских, которые записывались в солдаты от «бедности беспоместной», а затем от «скудости и голоду» дезертировали из действующей армии. Более того, провинциальные служилые люди (дети боярские, казаки и стрельцы) были заметными участниками «балашовщины», выродившейся к концу войны в антиправительственное движение откровенно разбойничьего характера. Последние отряды «воров-казаков» были разгромлены царскими войсками только в середине июня 1634 г. В свете названных событий правительство царя Михаила Федоровича не могло оставаться глухим к голосам недовольства провинциального служилого человека. Надо полагать, к подаче челобитной воронежцев подтолкнула и смена в городе воеводы: в мае 1634 г. вместо стольника Матвея Тимофеевича Измайлова (отозванного в Москву в связи с опалой их рода после капитуляции под Смоленском воеводы Артемия Васильевича Измайлова) воеводой стал Максим Семенович Языков [5, с. 66]. Надо по-

лагать, опала прежнего воеводы вызвала у воронежцев мысль о возможности наказания и администраторов более низкого уровня – подьячих съезжей избы.

На руку воронежцам было еще одно обстоятельство, о котором, впрочем, они знать пока не могли. Анализируя причины неудач в Смоленской войне, правительство не могло пройти мимо очевидного факта: корнем многих бед была хроническая нехватка в казне денег для выплаты жалования служилым людям. Осознание этого печального обстоятельства подталкивало власти к мысли о необходимости жесткой экономии бюджетных средств, причем начать, судя по всему, предполагалось с урезания сумм на содержание государственного аппарата. В сентябре 1634 г. из Разрядного приказа в другие центральные ведомства разослали памяти с распоряжением о предоставлении смет расходов на жалование подьячим, а также на различные приказные нужды (покупку бумаги, чернил, свечей, дров и т. д.). Вскоре подобные распоряжения начали рассылать и по городам, пытаясь найти возможность сэкономить на содержании штатов съезжих изб [6, л. 116–119, 231, 336]. В этом отношении жалоба воронежцев на произвол подьячих, получавших к тому же высокие – по 20 рублей – денежные оклады, пришлась ко двору.

Из четырех подьячих воронежской съезжей избы объектом жалоб служилых людей оказались двое. Первый из них, Степан Завесин, был их земляком. В разборной десятне 1621/22 г. в разделе «Новики, а по окладчиков скаске беспоместны» с поместным окладом 300 четей и денежным 9 рублей упоминается Степан Осанов сын Завесин [7, с. 91]. По всей вероятности, от «бедности беспоместной» молодому воронежскому сыну боярскому и пришлось податься в подьячие, поскольку, со слов окладчиков, служить ему было «государевы службы... служити не с чевом». В съезжую избы он поступил, согласно грамоте из Разрядного приказа, за год до составления разборной десятни, в 1620/21 г. К тому моменту, когда Завесин стал объектом всеобщего недовольства служилых людей-воронежцев, ему было чуть более 30 лет. Переход на приказную работу уже сам по себе должен был улучшить материальное положение Завесина: его новичный оклад составлял 9 рублей, и вряд ли беспоместный сын боярский мог рассчитывать на большее. В подьячих же к 1634 г. он выслужил оклад в 20 рублей (не говоря уже о том, что съезжая изба открывала ему доступ к альтернативным, хоть и незаконным, источникам обогащения).

Второй мишенью критики воронежцев оказался подьячий съезжей избы Иван Хоненев. В отличие от Завесина, он, кажется, к числу воронежских служи-

лых людей не принадлежал. В воронежской съезжей избе он служил с 1628/29 г., а значит, всеобщую ненависть успел снискать всего лишь за пять лет. О его предыдущей жизни данными мы не располагаем. Впрочем, в конце 1620-х гг. в Поместном приказе с окладом 6 рублей служил подьячий, носивший те же имя и фамилию, но достаточных оснований для его идентификации с воронежским подьячим у нас нет [8, с. 607]. Появление же его на службе в Воронеже, надо полагать, не было случайным: с 1616/17 г. в воронежской съезжей избе служил подьячий Яков Хоненев, и вряд ли два служивших одновременно воронежских подьячих носили одну и ту же фамилию по простому совпадению. Гораздо более вероятно, что они были родственниками (интересно, что к Якову Хоненеву, служившему в съезжей избе с 1616/17 г., у воронежцев претензий не было).

Первая реакция царя и бояр на жалобу из Воронежа была благоприятной для челобитчиков. 15 октября 1634 г. на их прошении была начертана резолюция – «дать грамота, а велеть тех подьячих отставить». Соответствующая указная грамота была составлена уже на другой день, 16 октября. Ее резолютивная часть предписывала воеводе отставить Степана Завесина и Ивана Хоненева от службы, оставив в съезжей избе двух других подьячих (причем жалования им давать вплоть до особого распоряжения из столицы было не велено). Казалось, воронежские челобитчики одержали полную победу над подьячими. Однако радость была преждевременной: попытка центрального правительства бороться с коррупцией натолкнулась на нехватку квалифицированных кадров для канцелярской службы на местах.

Царская грамота должна была достигнуть Воронежа в конце октября – начале ноября 1634 г. Несмотря на недвусмысленность содержащегося в ней распоряжения, воевода Максим Языков его не выполнил: подьячие Завесин и Хоненев продолжали служить в съезжей избе. В Москве об этом узнали из отписки воронежского воеводы, доставленной 23 марта 1635 г. (и, следовательно, отправленной из Воронежа в начале марта). Невыполнение царского указа воевода Языков объяснил двумя обстоятельствами. Во-первых, подьячие Завесин и Хоненев к моменту получения в Воронеже царской грамоты уже успели получить жалование на год вперед, и, с точки зрения воеводы, логично было заставить их отработать полученные деньги. Но более весомой причиной оставить коррумпированных служащих при делах стала невозможность заменить их другими: «на их место на перемену иных подьячих не прислано, а на Воронеже подьячих выбрати неково». К моменту получения царской грамоты в воронежской съезжей избе служило лишь три подьячих, и в случае увольнения Степана Завесина и Ивана Хоненева оставшемуся на

службе Якову Хоненеву (к тому же еще и больному) справиться с городским делопроизводством было невозможно, «потому что на Воронеже дел много из многих приказов». Эти соображения и заставили воеводу Языкова проигнорировать распоряжение столичных властей и оставить вызвавших всеобщее недовольство подьячих на службе.

Обращает на себя внимание большой промежуток времени, прошедший с момента получения в Воронеже царской грамоты (конец октября – начало ноября 1634 г.) до отправления воеводской отписки в Москву (начало марта 1635 г.). Получается, что на протяжении четырех месяцев воронежский воевода «отмалчивался» и никак не реагировал на распоряжение об отставке подьячих съезжей избы. Можем ли мы в данном случае подозревать умышленный «саботаж» со стороны Максима Языкова? На первый взгляд, оснований обвинять воеводу в сознательном затягивании решения кадрового вопроса у нас нет: контакты между Москвой и Воронежем до конца зимы, как правило, замирали. В 1635 г., согласно приходу-расходной книге Разрядного приказа, первые деньги из Воронежа в столицу (905 рублей 69 копеек) поступили именно 23 марта (похоже, это было обычным сроком: в 1622 г. деньги из Воронежа были присланы в Разрядный приказ 19 марта, в 1625 г. – 31 марта, в 1629 г. – 16 марта, в 1632 г. – 21 марта, в 1634 г. – 13 февраля) [6, л. 1 об. – 32 об.; 9, л. 4; 10, л. 9 об.; 11, л. 7 об.; 12, л. 3; 13, л. 9 об.]. Судя по всему, вместе с этими деньгами в Москву отправили воеводские отписки (в том числе и по вопросу об отставке подьячих). Впрочем, у нас все же есть повод предположить намерение воеводы «спустить на тормозах» вопрос об отстранении необходимых ему в съезжей избе подьячих. В начале декабря 1634 г. в Москву прибыли пять воронежских казаков (в приходу-расходной книге Разрядного приказа сохранилась запись от 6 декабря 1634 г. о награждении их жалованием за участие в боях с татарами под Воронежем) [4, л. 214 об.]. Из Воронежа в Москву они отбыли, надо полагать, во второй половине ноября, а значит воевода Языков при желании вполне мог отправить с ними в Москву отписку относительно исполнения (или неисполнения) распоряжения об отставке подьячих Завесина и Хоненева. Однако в интересах исправной работы съезжей избы воевода предпочел не поднимать этого вопроса до марта 1635 г.

Надо полагать, что объяснения воронежского воеводы московскую администрацию вполне устроили. Во всяком случае, на протяжении следующих четырех месяцев никаких новых распоряжений относительно дальнейшей судьбы подьячих в Воронеж не отправляли. Возможно, история с подачей воронежцами коллективной челобитной с жалобами на Завесина и Хоненева так и не дала бы результатов. Однако слу-

жилый люд не оставил намерения добиться справедливости, и 6 августа 1635 г. царю Михаилу подали новую челобитную, повторявшую по содержанию прошение, поднесенное царю почти годом ранее. На сей раз реакция царя и Боярской думы оказалась компромиссной. 16 августа 1635 г. в Воронеж послали указ, который должен был, с одной стороны, частично удовлетворить требованиям челобитчиков, но при этом сохранить работоспособный штат съезжей избы и сэкономить деньги на его содержание. Согласно грамоте, воеводе Языкову предписали отставить от службы подъячего Степана Завесина, которому впредь предстояло служить как рядовому сыну боярскому – «з городом с воронажцы». Другой объект общего недовольства, Иван Хоненев, остался в съезжей избе, правда, ему существенно – до 12 рублей – снизили денежное жалованье. Попутно, выражаясь современным языком, ему вынесли «строгий выговор с предупреждением»: воеводе приказали довести до сведения Хоненева, что если он впредь воронежцам «налогу и продажу учнет делать», его непременно уволят («и ему быти в большом наказанье безо всякие пощады, и от нашего дела велим ево отставить»). Еще больше (до 10 рублей) урезали денежный оклад Якову Хоненеву, на которого, напомним, жалоб от челобитчиков не поступало. Таким образом правительство сократило расходы на содержание штата подъячих воронежской съезжей избы почти втрое – с 60 до 22 рублей.

Нам осталось проследить, как сложилась дальнейшая судьба подъячих, наказанных по челобитью воронежцев. Степан Завесин, вернувшись в ряды детей боярских, на административное поприще, похоже, более не возвращался; сведениями о его дальнейшей судьбе мы не располагаем. Однако его потомство, судя по всему, пошло по отцовским стопам: на рубеже 1650–1660-х гг. на службе в воронежской приказной избе числился Поликарп Завесин, а в 1684 г. упоминается воронежский площадной подъячий Михаил Завесин [14, с. 291; 15, с. 254].

Куда более блестящая карьера ждала подъячего Ивана Хоненева. Н. Ф. Демидова ошибочно полагала, что в 1634 г. он был отставлен от службы за злоупотребления властью. Имевшиеся в ее распоряжении данные о дальнейшей его судьбе исследовательница приписала другому лицу, полному тезке нечистого на руку воронежского подъячего [8, с. 607]. Между тем Ивану Хоненеву по челобитью воронежских служилых людей лишь понизили денежный оклад, после чего он прослужил в воронежской съезжей избе еще около трех лет. Затем ему удалось совершить удачный карьерный маневр – в конце 1638 г. его зачислили подъячим в Посольский приказ. О неприятных моментах в своей прежней служебной биографии Хоненев, вероятно, предпочел умолчать – в дипломати-

ческом ведомстве при его приеме на службу сделали лаконичную запись: «преж сего был в подъячих на Воронеже в съезжей избе, а денежной оклад ему был дватцать рублей». Отметим, что при переводе на службу в столицу Иван Хоненев указал свой прежний денежный оклад – до его снижения в 1635 г. (вряд ли после скандальной истории с челобитьем всего города подъячий успел добиться восстановления старого уровня жалования). Демарш удался – 2 января 1639 г. Хоненеву установили новый оклад – 22 рубля [16, л. 16]. Через год, в январе 1640 г., он отправился с кн. Никифором Белосельским в Ногайскую орду, переживавшую тогда, по формулировке В. В. Трепавлова, агонию, завершившуюся окончательным ее распадом. Путь посольства лежал через Валуйку, а значит Хоненев по дороге вновь побывал в Воронеже [17, с. 556; 18, стб. 277–278; 19, с. 382, 411]. Участие в дипломатической миссии положительно отразилось на благосостоянии подъячего: в 1642 г. его оклад составлял уже 28 рублей, а в августе 1644 г. сверх оклада ему выдали еще 14 рублей – «для бедности и свадьбы». В 1646 г. он вновь участвовал в дипломатической миссии, сопровождая в Персию послов кн. Савелия Козловского и дьяка Ивана Зиновьева [20, с. 102]. Пика материального благополучия Иван Хоненев достиг после возвращения из Персии – в 1649–1650 гг. его денежный оклад составлял 30 рублей, поместный – 300 четей, а в 1651 г. его жалование увеличилось на 7 рублей и 50 четей. Служить в Посольском приказе подъячий Иван Хоненев продолжал до 1658 г.; сведениями о его дальнейшей судьбе мы не располагаем [8, с. 607; 21, л. 15, 20–20 об.].

Публикуемые в приложениях документы показывают, насколько упорной и напряженной могла быть борьба провинциального служилого люда против произвола местной администрации. Воронежцам удалось сделать своим союзником центральную власть, но даже это не позволило одержать полной победы над подъячими-казнокрадами, без услуг которых местное управление, как оказалось, не могло нормально функционировать. Отставка Степана Завесина демонстрирует, что борьба провинциальных служилых людей за свои интересы не была безрезультатной. Благополучная же дальнейшая судьба Ивана Хоненева показывает, насколько стойким и живучим в XVII столетии было «крапивное семья».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 1. 1634 г., ранее 15 октября. Челобитная воронежских служилых людей с просьбой отставить от службы подъячих воронежской съезжей избы Степана Завесина и Ивана Хоненева за злоупотребления властью, притеснения местного населения и казнокрадство.

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои Воронежа города дворяня и дети боярские, и поместные отаманы и казаки, и слободцкие отаманы, и стрельцы, и полковые казаки всем городом съезжие избы на подьячих на Степана Завесина да на Ивана Ханенева. Сидят, государь, те подьячие по твоему государеву указу на Воронеже в съезжей избе лет по пятнадцати и болши бес перемены, и нам, холопом твоим, в судных и во всяких делех на список приговоры пишут не против наших челобитных, и в денежных во всяких зборех. А которые деньги збирают на посольской подъем и подможные деньги, и те подьячие емлют себе. Да те ж, государь, подьячие собрано с нас было, холопей твоих, и с наших крестьян полтора рублиев денег на соборную церковь со всего города и уезду, и та, государь, церковь не соружена, и те, государь, деньги у тех подьячих. И во всяких зборех и в посольских во всяких подъемех и в сторожах, и в сотни посылают без ряду, а не по списку, учиняют нам всякую тесноту. И те, государь, подьячие мимо твоего государева указу и грамот и воеводцково приказу на нас, холопей твоих, запас делать наметывают по четверику на четь, и емлют тот запас себе. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, не вели, государь, тем подьячим быть у своего государева дела на Воронеже в съезжей избе, потому что нам, холопом твоим, ставитца налога великая. А подьячих, государь, на Воронеже по твоему государеву указу четыре человека, и емлют твое государево годовое жалованье ежлет. А в их место ково ты, государь, укажешь, или тем, государь, велишь быть, которые у твоего государева дела останутца. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!».

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 109. Л. 41.

Документ 2. 1634 г., 16 октября. Указная грамота (отпуск) воронежскому воеводе Максиму Семеновичу Языкову с распоряжением отставить от службы подьячих воронежской съезжей избы Степана Завесина и Ивана Хоненева по челобитью воронежцев.

«От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии на Воронеж воеводе нашему Максиму Семеновичю Языкову. Били нам челом с Воронежа дети боярские и поместные и слободцкие, и полковые атаманы и казаки, и стрельцы всем городом съезжие избы на подьячих на Степана на Завесина да на Ивана Хоненева. Сидят де² те подьячие на Воронеже в

¹ На обороте помета: 143-го октября в 15 день дать грамота, а велеть тех подьячих отставить.

² Слово *де* приписано над строкой.

съезжей избе лет по пятнадцати и болши без перемены, и от тех де³ подьячих ставитца им налога великая в судных в их делех, и в приговорах переписывают не против их челобитья и ответу, и в денежных во всяких зборех, а которые деньги збирают на посольской подъем и подможные деньги, те подьячие емлют себе (42). // Да собрано со всего города и с уезду на соборную церковь сто пятьдесят рублиев⁴, и церковь не соружена, а те деньги у тех подьячих. Да те ж де подьячие мимо наших указных грамот и воеводцкого приказу наметывают на них запасу делать на четверть⁵ по четверику⁶, и емлют тот запас себе. И во всяких зборех и в посольских⁷ подъемех нагряжают⁸, и на сторожи и в сотни посылают их не в ряд⁹, а не по списку¹⁰, и в том им от тех подьячих чинитца налога и теснота¹¹. И нам бы их пожаловати, подьячим¹² Степану Завесину да Ивану Хоненеву у нашего дела быти не велети. И как (43) // к тебе ся наша грамота придет, и ты б подьячих Степана Завесина да Ивана Хоненева от нашего дела отставил, и в съезжей избе сидети им не велел, а велел у нашего дела в съезжей быти двум человеком дьячком, которые ныне у нашего дела. А что тем дьячком нашего жалованья денежные оклады, и ты б о том к нам отписал с ыными нашими делы¹³, а без нашего указу тем дьячком нашего жалованья не давал. Писан на Москве лета 714[2]-го октября в 16 день» (44).

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 109. Л. 42–44.

Документ 3. 1635 г., 16 августа. Указная грамота (отпуск) воронежскому воеводе Максиму Семеновичу Языкову с распоряжением отставить от службы подьячего воронежской съезжей избы Степана Завесина и сокращении денежного жалования подьячим Ивану и Якову Хоненевым.

«От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии на Воронеж воеводе нашему Максиму Семеновичю Языкову. В нынешнем во 143-м году в октябре по нашему указу¹⁴, а по челобитью детей

³ Слово *де* приписано над строкой.

⁴ Далее зачеркнуто: *и те*.

⁵ Слова *на четверть* приписано над строкой.

⁶ Слово *четверику* исправлено из первоначального *четверика*; далее зачеркнуто: *на четь*.

⁷ Далее зачеркнуто: *кормех и во всяких*.

⁸ Слово *нагряжают* приписано над строкой.

⁹ Слова *не в ряд* написаны над строкой вместо зачеркнутого *не в ряду*.

¹⁰ Далее зачеркнуто: *И нам бы их пожаловати, т*.

¹¹ Далее стоит знак «крыж», которому соответствует текст вставки на обороте: *А на Воронеже де подьячих четыре человека, и наше денежное жалованье емлют ежлет*.

¹² Далее зачеркнуто: *Савину*.

¹³ Слова *с ыными нашими делы* приписаны над строкой.

¹⁴ Слова *по нашему указу* написаны над строкой.

боярских воронажцов и воронажских всяких служилых людей¹⁵ на Воронажи¹⁶ в съезжей избе подьячим Степанку Завесину да Ивашку Хоненеву^{17 18} у нашего дела быти не велено, а велено¹⁹ у нашего дела в съезжей избе быти²⁰ двум дьячком²¹, а нашего денежного и хлебного жалованья на нынешней на 143-й год и вперед до нашего указа²² давать им не велено, и наш указ к тебе о том послан²³. И марта в 23 день писал еси к нам, что²⁴ на Воронаже в съезжей избе у нашего дела²⁵ подьячих три человека, а у нашего дела указано им быти²⁶ по нашим грамотам из Розряду Степанку²⁷ Завесину²⁸ в 129-м году, Якову²⁹ (367) // Хонаневу³⁰ в 125-м году, Ивашку Хоненеву³¹ с 137-го году, а нашего жалованья денежные им оклады по дватцати рублей человеку. И ты по нашей грамоте³² подьячих Степанка³³ Завесина да Ивашка³⁴ Хоненева от нашево дела не отставил, а велел им у нашего дела в съезжей избе побыти до нашего указа для тово, что наше денежное жалованье им на нынешней на 143-й год дано наперед нашего указа, да и для тово: одно-

во^{35 36} подьячево Якуша³⁷ Хоненева с наше дело³⁸ не будет, потому что³⁹ на Воронаже дел много изо многих приказов, и посольской отпуск, и оброчные и ямские деньги с посаду и с уезду, и посопн[ой] (368) // хлеб, и струговое дело, и мн[огие дру]гие дела. И нынешняго 143-го году августа в 6 день били нам челом воронажцы дети боярские и пом[е]сные и полковые атаманы и казаки и стрельцы, и беломесные казаки всем городом, а в челобитной за руками написано, что им от подьячих^{40 41} Степанка Завесина да Ивашка Хоненева^{42 43} в судных и во всяких делех и в денежных зборех чинятца⁴⁴ налоги и продажи великие⁴⁵. Да с них же, с воронажцов со всяких людей збирают деньги на посольские подьемы и ямские и оброчные, и подможные деньги, а собрав⁴⁶ те деньги, подьячие⁴⁷ емлют себе. Да те ж де подьячие Степанко⁴⁸ Завесин да Ивашко⁴⁹ Хоненев (369) // собрали⁵⁰ с воронажцов со всего города на строенье соборные церкви сто пятьдесят рублей, и те деньги ныне у подьячих, а соборная церковь и по ся мест не строена. Да их же, во[ро]нажцов всяких служилых людей п[одья]чие наряжают на сторожи и [в сот]ни, и в проезжие станицы, и во в[ся]кие службы посылают не по сп[иском] и не по очереди, выбором. И в и[ных] во всяких денежных зборех и в пос[оль]ских подьемах и в службе им, воронажцом всяким людем, те подьячие делают⁵¹ тесноту⁵² и налоги и продажи великие. Да Степанко ж де Завесин и Ивашко⁵³ Хоненев без нашего

¹⁵ Далее зачеркнуто: *послана к тебе наша грамота.*

¹⁶ Слова на Воронажи приписаны над строкой.

¹⁷ Слова в съезжей избе подьячим Степанку Завесину да Ивашку Хоненеву подвергнуты правке; первоначально было написано: *съезжей избы подьячих Степана Завесина да Ивашка Хоненева.*

¹⁸ Далее зачеркнуто: *за налоги и за продажи, что они воронажским всяким людем чинили продажи и убытки великие.*

¹⁹ Далее зачеркнуто слово *быти.*

²⁰ Слово *быти* приписано над строкой.

²¹ Далее зачеркнуто: *которые ныне у нашего дела с тобою.*

²² Слова *до нашего указа* приписаны над строкой.

²³ Слова *и наш указ к тебе о том послан* написаны на обороте листа; вставка обозначена знаком «крыж».

²⁴ Далее зачеркнуто слово *сидят.*

²⁵ Слова *у нашего дела* приписаны над строкой.

²⁶ Слова *а у нашего дела* указано им *быти* написаны над строкой.

²⁷ Слово *Степанку* исправлено из первоначального *Степан.*

²⁸ Слово *Завесину* написано над строкой вместо зачеркнутого *Завесин сидит.*

²⁹ Слово *Якову* исправлено из первоначального *Яков.*

³⁰ Слово *Хонаневу* написано над строкой вместо зачеркнутого *Хоненев сидит.*

³¹ Слова *Ивашку Хоненеву* исправлены из первоначального *Ивашка Хоненев*; далее зачеркнуто: *сидит.*

³² Далее зачеркнуто: *по челобитью воронажцов всяких людей.*

³³ Слово *Степанка* исправлено из первоначального *Степана.*

³⁴ Слово *Ивашка* исправлено из первоначального *Ивана.*

³⁵ Слова *нашего указа, да и для тово: одново* написаны над строкой.

³⁶ Далее зачеркнуто: *того, а на их место на перемену иных подьячих не прислано, а на Воронаже подьячих выбрати неково, а.*

³⁷ Слова *Якуша* исправлено из первоначального *Якова.*

³⁸ Далее зачеркнуто слово *одново.*

³⁹ Слова *потому что* написаны над строкой; далее зачеркнуто: *потому что он болен, а Карник Струков ослеп, а.*

⁴⁰ Слова *что им от подьячих* приписаны над строкой.

⁴¹ Далее зачеркнуто: *сидят у нашего дела на Воронаже в съезжей избе подьячие.*

⁴² Слова *Степанка Завесина да Ивашка Хоненева* исправлены из первоначального *Степан Завесин да Иван Хоненев.*

⁴³ Далее зачеркнуто: *и им, воронажцом всяким людем.*

⁴⁴ Слово *чинятца* исправлено из первоначального *чинят.*

⁴⁵ Слова *налоги и продажи великие* исправлены из первоначального *налогу и продажу великую.*

⁴⁶ Далее зачеркнуто слово *подьячие.*

⁴⁷ Слово *подьячие* приписано над строкой.

⁴⁸ Слово *Степанко* исправлено из первоначального *Степан.*

⁴⁹ Слово *Ивашко* исправлено из первоначального *Иван.*

⁵⁰ Далее зачеркнуто: *с них.*

⁵¹ Слово *делают* приписано над строкой вместо вычеркнутого *чинят.*

⁵² Слово *тесноту* исправлено из первоначального *теснота.*

⁵³ Слова *Степанко ж де Завесин и Ивашко* исправлены из первоначального *Степан же де Завесин и Иван.*

указу и без твоего ведома⁵⁴ намetyвают на них, на воронажцов всяких людей по четверику с чети запасу, и тот запас собрав, емлют себе. И нам бы их пожаловати, подьячим Степанку Завесину да Ивашку Хоненеву⁵⁵ у нашего дела (370) // в съезжей избе быть не велеть. И мы детей боярских воронажцов и всяких воронажских служилых людей пожаловали⁵⁶, подьячему Степанку Завесину⁵⁷ на Воронаже⁵⁸ у нашего дела в съезжей избе⁵⁹ быти не велели, а велели быти у наших дел в съезжей избе подьячим Якушку да Ивашку Хонаневым⁶⁰, а нашего жалованья велети им денежные⁶¹ оклады учинить перед прежним с убавкою, Ивашку Хонаневу⁶² 12 рублей, Якушку Хонаневу⁶³ 10 рублей^{64 65}. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б подьячему Степанку Завесину⁶⁶ у⁶⁷ нашего дела быти не велел⁶⁸, а велел ему нашу службу служил з городом с воронажцы⁶⁹ з детьми боярскими⁷⁰ (371), // а Ивашку⁷¹ Хоненеву⁷² сказал бы еси, чтоб он⁷³ воронажцом всяким людем⁷⁴ вперед⁷⁵ налогу и

продажу^{76 77} учнет делать, да только в городе на него⁷⁸ будут челобитчики, и ему быти в большом наказанье безо всякие пощады, и от⁷⁹ нашего дела (372) // велим ево отставить⁸⁰. А какими обычаи подьячие Степанку Завесин и Ивашку Хонанев с воронажских со всяких людей⁸¹ деньги на посольские расходы и ямские и оброчные и подможные деньги збирают мимо нашего указа и нашими деньгами корыстуютца сами, по какому (373) // указу и давно ли те же подьячие с воронажцов на строенье церкви денег сто пятьдесят рублей собрали, и ныне те деньги у подьячих ли, и ты б о том сыскал подлинно, сколь бывало, а отписку велел отдати в Розряде дяком нашим думному Ивану Гавреневу да Григорью Ларионову. Писан на Москве лета 7143-го августа в 16 день» (373 об.).

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 109. Л. 367–373 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII века / П. В. Седов // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 139–148.

2. Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII веке / М. Н. Тихомиров // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков / М. Н. Тихомиров. – М., 1973.

3. Новохатко О. В. Разряд в 185 году / О. В. Новохатко. – М., 2007.

4. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 210. – Оп. 6-ж. – Кн. 289.

5. Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / А. П. Барсуков. – М., 2010.

6. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 9. – Д. 109.

7. Сторожев В. Н. Воронежское дворянство по десятилетиям XVII века / В. Н. Сторожев // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. – Воронеж, 1894. – Отд. III.

8. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700 гг.). Биографический справочник / Н. Ф. Демидова. – М., 2011.

9. РГАДА. – Ф. 210. – Кн. 276.

10. РГАДА. – Ф. 210. – Кн. 80.

11. РГАДА. – Ф. 210. – Кн. 86.

12. РГАДА. – Ф. 210. – Кн. 282.

13. РГАДА. – Ф. 210. – Кн. 286.

⁵⁴ Слово *ведома* написано над строкой вместо вычеркнутого *Максимова* приказы.

⁵⁵ Слова *подьячим Степанку Завесину да Ивашку Хоненеву* исправлены из первоначального *подьячих Степана Завесина да Ивана Хоненева*.

⁵⁶ Далее зачеркнуто: *велели от нашего дела отставить*.

⁵⁷ Слова *подьячему Степанку Завесину* исправлены из первоначального *подьячего Степана Завесина*; далее зачеркнуто: *а велели быти*.

⁵⁸ Слова *на Воронаже* приписаны над строкой.

⁵⁹ Далее зачеркнуто: *трем человеком подьячим, а нашего жалованья велели им учинить перед прежним с убавкою*.

⁶⁰ Слова *быти не велели, а велели быти у наших дел в съезжей избе подьячим Якушку да Ивашку Хонаневым* приписаны между строк.

⁶¹ Далее зачеркнуто: *давати*.

⁶² Далее зачеркнуто: *по*.

⁶³ Далее зачеркнуто: *по*.

⁶⁴ Далее зачеркнуто: *на год*.

⁶⁵ Слова *а нашего жалованья велети им денежные оклады учинить перед прежним с убавкою, Ивашку Хонаневу 12 рублей, Якушку Хонаневу 10 рублей* написаны на обороте листа, текст вставки отмечен значком «крыж».

⁶⁶ Слова *подьячему Степанку Завесину* исправлены из первоначального *подьячего Степана Завесина*.

⁶⁷ Слово *у* исправлено из первоначального *от*.

⁶⁸ Слова *быти не велел* приписаны над строкой вместо зачеркнутого *отставил*.

⁶⁹ Слова *з городом с воронажцы* приписаны над строкой.

⁷⁰ Далее зачеркнуто: *с воронажцы*.

⁷¹ Слово *Ивашку* исправлено из первоначального *Ивану*.

⁷² Далее зачеркнуто: *у нашего дела в съезжей избе велел быти по-прежнему, а то б еси ему сказал: только он, будучи у нашево дела*.

⁷³ Слова *сказал бы еси, чтоб он* приписаны между строк.

⁷⁴ Далее зачеркнуто: *учнет*.

⁷⁵ Далее зачеркнуто: *делати*.

⁷⁶ Слова *налогу и продажу* исправлены из первоначального *налоги и продажи*.

⁷⁷ Далее зачеркнуто: *а вперед нам на нево*.

⁷⁸ Слова *учнет делать, да только в городе на него* приписаны между строк.

⁷⁹ Слово *от* исправлено из первоначального *у*.

⁸⁰ Далее зачеркнуто: *Писан на Москве лета 7143-го августа в 16 день*.

⁸¹ Далее зачеркнуто: *збирали*.

14. Глазьев В. Н. Власть и общество на Юге России в XVII веке : противодействие уголовной преступности / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2001.

15. Камараули Е. В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века / Е. В. Камараули. – Воронеж, 2009.

16. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 2. – Кн. 2.

17. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. / С. Б. Веселовский. – М., 1975.

18. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. XXIV. – СПб., 1906.

19. Трепавлов В. В. История Ногайской орды / В. В. Трепавлов. – М., 2002.

20. Бокарёва О. Б. Посольские книги по связям России с Персией первой половины XVII века / О. Б. Бокарёва // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2010. – Вып. 7.

21. РГАДА. – Ф. 138. – Оп. 2. – Кн. 5.

Институт российской истории Российской академии наук

Лисейцев Д. В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма

E-mail: Liseitsev@mail.ru

Tel.: 8-903-540-66-72

The Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

Liseitsev D. V., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of Center for the History of Russian Feudalism

E-mail: Liseitsev@mail.ru

Tel.: 8-903-540-66-72